

О НЕКОТОРЫХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ В. Г. РУДЕЛЁВА

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

ON SOME PHONOLOGICAL DISCOVERIES OF V. G. RUDELEV

A. A. Kretov

Voronezh State University

Поступила в редакцию 6 марта 2019 г.

Аннотация: статья посвящена вкладу основателя Тамбовской лингвистической школы профессора В. Г. Руделёва в развитие фонологической науки – прежде всего в области русистики. Рассматриваются такие открытия В. Г. Руделёва, как: 1) вокалический нуль – открытие, опровергающее широко распространенное мнение о «падении редуцированных» еще в XII в. н. э.; 2) фонологическая теория русского слога, основанная, с одной стороны, на позиционном анализе и учете импловивности-эксплозивности звуков, идущем от Ф. де Соссюра, а с другой стороны, на теории информации в версии Н. С. Трубецкого. Вторая часть теории обеспечивает информационно-семиотическое обоснование порядка следования звуков в открытом слоге. Показывается принципиальная согласованность и тождественность выводов теории слога В. Г. Руделёва и волновой теории слога, ориентирующейся на условный вес фонем и представляющих их звуков в составе слога. Отмечается вывод В. Г. Руделёва о строгой закономерности организации слога в русском языке, что опровергает широко распространенное мнение о диффузности и неорганизованности слога в русском языке, широко распространенное в русистике. Отдельно рассматривается вопрос о принадлежности дизности слогу или слогофонеме в целом, а глухости-звонкости – инициали слога. В итоге делается вывод, что научный метод В. Г. Руделёва обладает не только всеми признаками научности: логичностью, последовательностью, воспроизводимостью, но также – большой объяснительной силой, позволяющей сквозь современное состояние языка прозревать его прошлое, и высоким эвристическим потенциалом, дарящим новые открытия и обещающим их в будущем.

Ключевые слова: история языкознания, русское языкознание, Тамбовская лингвистическая школа, В. Г. Руделёв, фонология, теория слога.

Abstract: the article is devoted to the contribution of the founder of the Tambov linguistic school Professor V. G. Rudelev to the development of phonological science – primarily in the field of Russian studies. We discuss only some discoveries of V. G. Rudelev: 1) the discovery of vocalic zero in modern Russian – to refute the widespread opinion of "the falling of the reduced the reduced vowels" in the XII century BC; 2) phonological theory of the Russian syllable based, on the one hand, on positional analysis and the consideration of explosive-implosive sounds coming from F. de Saussure, and, on the other hand, on N. S. Trubetsky's version of information theory. The second part of the theory provides information-semiotic justification of the order of sounds in the syllable. The principal consistency and identity of the conclusions of V. G. Rudelev's syllable theory and the syllable wave theory oriented on the conditional weight of phonemes and their sounds in the syllable composition are shown. The Russian language is characterized by V. G. Rudelev's conclusion about the strict regularity of syllable organization, which refutes the widespread opinion about the diffuseness and disorganization of syllables in the Russian language, which is widespread in Russian studies. Separately, the question of belonging to the «sharpness» of the syllable or syllable phoneme as a whole, and deafness-sonority – the initials of the syllable is considered. As a result, it is concluded that not only has the scientific method of V. G. Rudelev got all the signs of the scientific: logic, consistency, reproducibility, but also a great explanatory power, allowing through the current state of the language to see through its past, and a high heuristic potential, giving new discoveries and promising them in the future.

Key words: history of linguistics, Russian linguistics, Tambov linguistic school, V. G. Rudelev, phonology, syllable theory.

В. Г. Руделёв – выдающийся ученый и мыслитель, основатель Тамбовской лингвистической школы. На его счету множество научных открытий, в том числе и в области фонологии. В этой статье не ставится задача их исчерпывающего описания – даже ограниченного областью фонологии. Речь пойдет лишь о тех, которые так или иначе связаны с теорией русского слога.

Вокалический нуль

Как быть с *M + N* в словах *множество, мне, мной* (ср. *мен_я*), *мну* (*раз-мин=аю*), *мн=ить/по-мн=ить* (*по-мин=ать*)...? Тут вроде бы подряд два носовых сонанта. Ответ прост: между *M* и *N* есть нулевой гласный – {Ъ} или {Ь}, о котором умалчивают грамматики русского языка, но пишет (как о вокалическом нуле) в своих трудах профессор В. Г. Руделёв [1]. Когда {Ь} или {Ъ}, реализуемый нулем звука, чередуется с *E-I* (собОрать-соберу-собирать) или *O-Ы* (назОвать-назову-называть), его можно обнаружить внутренней реконструкцией – с опорой на факты русского же языка. В позиции конца слова присутствие Ъ не столь очевидно, но тоже доказуемо (см. далее).

Тут самое время рассказать об открытии профессора В. Г. Руделёва, опубликованном в 1967 г. [2].

Метод В. Г. Руделёва является развитием идей Н. С. Трубецкого и может быть назван «теорией нейтрализации».

Положение 1. «Любое противопоставление двух фонем является лишь логически возможной оппозицией, и **только нейтрализуемые противопоставления суть действительные оппозиции языка**» (выделено нами. – *А. К.*) [1, с. 14].

Положение 2. «Процедура функционального отождествления оппозиций гласных фонем... ударного слога и оппозиций предударного слога (тождественная дистрибуция – положение после твердых согласных) позволяет выявить нейтрализацию (о:а)... Таким образом устанавливается первая действительная оппозиция гласных (о→а) с маркированным членом (о)» [1, с. 15].

Положение 3. «Все остальные оппозиции, выявленные из нейтрализаций (а:ы), (а:у), (у:ы), не являются действительными оппозициями и расщепляются на серии [а:ы = а→х←ы; а:у = а→х←у; у:ы = у→х←ы. – *А. К.*], в каждой из которых обязательно присутствует неизвестная фонема (х)» [1, с. 15].

Положение 4. Фонема (х), репрезентантом которой является звук (ъ), квалифицируется в связи с этим как особая фонема общей системы (X), отсутствующая в так называемой «сильной» позиции» [1, с. 15].

Положение 5. В связи с тем, что фонеме (х) не свойственно ни одно положительное значение какого-либо ДП [дифференциального признака. – *А. К.*], она квалифицируется как **вокалический нуль**» [1, с. 16].

Вскоре была найдена и сильная позиция вокалического нуля: «Предположим, что для описания русского языка вполне достаточно пятичленной вокалической парадигмы признаков (о, 'о), (у, 'у) (а, 'а), (э, е), (ы, и). Тогда в каждом русском слове потребуется найти по крайней мере одну из перечисленных гласных. Но вот сталкиваемся с редкими, правда, и весьма специфическими словами вроде “б”, “п”, “в”, “ф”, которые представляют названия “звуков речи”. <...> Сколько фонем в слове “б”? Если только одна... то оказывается, что слово оканчивается на звонкую согласную, между тем в русском языке действует закон, по которому в конце слов звонкие не произносятся, так как они смешиваются с глухими. Таким образом, нельзя считать, что слово “б” и аналогичные слова оканчиваются на гласную фонему, ибо только перед гласными сохраняются противопоставления по “звонкости-глухости” в русском языке¹. Но какая из перечисленных пяти фонем находится в этом слове после согласного? <...> Остается принять, что в указанных словах после согласных находится ненаблюдаемая шестая русская гласная фонема, которая как будто специально создана для слов типа “б”, “в” и подобных, но на самом-то деле обслуживает и другие сферы... Эту шестую русскую гласную фонему ввиду ее ненаблюдаемости и неприметности можно назвать вокалическим нулем и обозначить... (ъ, ь)... следует отметить, что фонема (ъ, ь) или “вокалический нуль” оказывается употребляемой в сильных позициях. Если каждое полнозначное слово в русском языке имеет ударение, то ударным следует признать и слово типа “б”, “п”»² [3, с. 32–33].

¹ Тут В. Г. Руделёв противоречит сам себе: с одной стороны, он констатирует, что «в конце слов звонкие не произносятся» (а ведь конец слова, Auslaut – царство морфологии и позиция морфонологическая), а с другой стороны – «только перед гласными сохраняются противопоставления по «звонкости-глухости»» (а это уже позиция фонетическая). Но морфология «главнее» фонетики, и при столкновении их интересов всегда побеждает морфология. Оглушение в конце слова – явление морфонологии (сигнал конца слова) и поэтому не доказывает отсутствия гласного в конце слова.

² Логическую аргументацию В. Г. Руделёва можно дополнить экспериментальной. Сравним: *T-m-m, m-T-m, m-m-T* (заглавная буква обозначает ударный слог). Количество и качество слогов воспринимается на слух. Как известно, ударение «живет» на гласном. Если мы различаем на слух ударные и безударные слоги, следовательно, вокалический нуль в конце слова есть.

Правда, тут следует уточнить, что в русском литературном языке «закон, по которому в конце слов звонкие не произносятся, так как они смешиваются с глухими» является не фонетическим, а морфонологическим: «оглушение согласных на конце слова не связано с какими-либо фонологическими позициями, а соотносится непосредственно с концом слова, т. е. морфологической границей» [4, с. 31–32]. Следовательно, сильную позицию для конечных звонких согласных В. Г. Руделёв нашел в периферийной подсистеме русского языка – «фонетической подсистеме междометий» и звукоподражаний, в которой не только «различаются гласные [а]–[о] без ударения» [5, с. 15], но разрешено зияние: *аа, ау, уа* и сочетания «без гласных» (на самом деле – с вокалическим нулем): *ишш, чиши, тсс, тиши, чшсс*.

«Вокалический нуль», обнаруженный В. Г. Руделёвым в современном русском языке, – инобытие «редуцированных» Ъ и Ь, слухи о падении которых (как нам уже доводилось писать [6]) сильно преувеличены. Вообще, эта идея высказывалась и ранее, правда, лишь для того, чтобы её отвергнуть: «Идя путем, предложенным Л. В. Щербой, мы могли бы доказать и наличие двух фонем [О] в современном русском языке, одного чередующегося с нулем [т. е. {Ъ}. – А. К.], другого не чередующегося» [7].

«Вокалический нуль» присутствует в описании русского именного словоизменения А. А. Зализняка: «* – 2) на строке – знак чередования беглой гласной с нулем» [8]. В аналогичной функции используется символ «*» и А. К. Поливановой при описании русского субстантивного основообразования [9]. Морфонологи вообще не могут обойтись без редуцированных: «...“нулевая гласная морфонема” обозначается в работе знаком Ø [4, с. 35]. У Т. В. Булыгиной в работе 1975 г. представлены «морфонеми» {ъ}-{ь} [10]. У И. Б. Иткина фонеме {Ъ} соответствует «нулевая морфонема {Ø}», «ноль-смягчающий» [11, с. 263], между тем как фонеме {Ь} вместо ожидаемого «ноля-несмягчающего» соответствует «чередование *о ~ А*», притом, что символ А трактуется как «незначимое отсутствие (пустая цепочка)» [11, с. 21]. Разумеется, нельзя не упомянуть и работы зарубежных русистов, в первую очередь, учеников и последователей Р. О. Якобсона: [12–14]. Описание М. Халле как нельзя лучше соответствует «вокалическому нулю», открытому В. Г. Руделёвым: «Это [указание на беглость гласной. – А. К.] делается при помощи символа, который вставляется на то место слова, где появляется беглая гласная, например: {t'ur#k}... {t'urk+a} <...> # можно охарактеризовать признаками вокальности и неконсонантности; вместо других признаков будут стоять нули, т. е. # – это гласная без указания различительных признаков гласных» [15, с. 319].

По существу, спор идет лишь о том, как называть Ъ и Ь: *фонемами* или *морфонемами*; обойтись же без их признания, учета и интерпретации при описании фактов современного русского языка не удастся.

Как же изменилась «жизнь» редуцированных после «падения»? Их аллофоны (ненулевой и нулевой) постарались закрепиться и семасиологизироваться: ср. ю.-слав. (ст.-слав. → церк.-слав.) *собор* и вост.-слав. *сбор* (< прасл. *sъborъ). В церковно-славянском языке «падения» редуцированных не произошло: они прояснились (в *О* или *Е*) во всех позициях, поэтому смешны затруднения некоторых лингвистов при передаче болгарской фамилии *Гъльбов* – это *Голобов*.

«Беглость» редуцированных была морфологизирована и стала выполнять функцию пограничного сигнала – обозначать конец основы.

Нулевой аллофон «исчез» примерно так, как исчезает из вида человек, тень которого остается на виду. Что же за «теневую работу» выполняют редуцированные?

Одна из них более заметна: нулевой аллофон {Ъ} (у И. Б. Иткина – {Ø}) смягчает предшествующий согласный: *ель, семь, день, степь, тварь, ось, суть, явь*; мягкость согласного воспринимается на слух и в доказательствах не нуждается.

Другая «работа» менее заметна: нулевые аллофоны редуцированных (совсем, как *e-tuēt* во французском языке) выполняют «охранную» функцию: сохранения конечного согласного³.

Как доказать, что функция сохранения конечного согласного у Ъ есть?

Рассмотрим парадигму слова *время*:

Падежи	Основы	Окончания
И-В ед.	<i>время</i>	Ø
Р-Д-П ед.	времен	и
Т ед.	времен	ем
И-В мн.	времен	а
Р мн.	<i>времён</i>	ь
Д мн.	времен	ам
Т мн.	времен	ами
П мн.	времен	ах

Во всех формах, кроме Р мн., основа *времен-* сохранилась потому, что за ней следовал гласный /и/, /е/ или /а/. В форме *времен* основа сохранилась как

³ Вокализация сонантов в конце слова после согласных также выполняет функцию пограничного сигнала, маркируя конец слова; ср. *бобр-бобёр, хитр-хитёр, ветр-ветер, рубль* – прост. *рубель, смысл* – прост. *смысел*.

бы вопреки отсутствию гласного, а в И ед. *время* основа *времен-* как бы не сохранилась вообще: формально сохранился лишь сегмент *врем-*.

Простейшее объяснение состоит в том, что все словоформы парадигмы имеют основу *времен-*, только в Р мн. за ней следует «нулевой гласный» Ъ: *временъ*, а в И ед. – за основой *временØ* – ноль гласного, поэтому сегмент *-ен-* закономерно реализуется в виде /'a/ через цепь трансформаций: /en/ → /ēn/ → /'a/. Это объяснение находится в полном согласии с исторической фонетикой: «...конечный согласный основы в именительном падеже был утрачен под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности (например, *сѣма* < *sēmēn, где в конце слова **-ēn* > [e]⁴), в то время как в остальных падежных формах перед гласными окончаний он сохранился (например, в род. П.: *сѣмен-е*)» [16, с. 179]. Логично принять, что *я* в форме *время* – позиционно обусловленное инобытие сегмента *-ен-* в абсолютном конце слова. Таким образом, гласный /'a/ представляет сразу две фонемы: /e/ и /n/. Такие **б и ф у н к ц и о н а л ь н ы е** или (что то же самое) **б и ф о н е м н ы е ф о н ы** (звуки) мы называем *б и ф - ф о н а м и* [17, с. 6].

Фонологическая теория слога

Обратимся к *фонологической теории слогоделения* профессора В. Г. Руделёва, которая развивает теорию Е. Куриловича (в свою очередь, восходящую к теории Ф. де Соссюра), оперируя при этом исключительно лингвистическими критериями.

«Вся теория слогораздела применительно к русскому языку (его литературному диалекту и некоторым говорам) может быть выражена шестью правилами (порядок их изменен быть не может)» [1, с. 86].

«Правило 1. Консонант или сонорный перед гласным является **эксплозивным** (знак <). Примеры слогоделения: ... [<'э<хъ] *эхо*, [<у<ма] *ума*» [1, с. 86].

Это правило – полный эквивалент нашему правилу 2 («принцип приоритета восходящей звучности»: если согласный может относиться к нисходящей части предшествующего слога или к восходящей части последующего, он относится к восходящей части последующего слога).

Чрезвычайно ценным в теории В. Г. Руделёва является то, что вводимые правила не постулируются, а мотивируются – объясняются. Объяснением является «фонологически сильная позиция консонанта и сонора перед гласным»: консонанты сохраняют

⁴ Предпочтительнее было бы говорить о долгом *e*: по закону компенсации с утратой носового сонанта предшествующий ему гласный должен удлиниться. Этим удлинением могла бы быть объяснена последующая трансформация долгого (!) *e*-носового в долгий же *a*-смягчающий. Ср. аналогичную трансформацию *ь* (ята из *e*-долгого) в южнославянских языках: болг. *мляко* 'молоко', *бръг* 'берег'.

противопоставленность по глухости-звонкости, а соноры – по сонорности-вокальности. Перед гласным (в отличие от позиции между согласными или согласным и концом слова) соноры могут быть только неслоговыми.

В. Г. Руделёв различает три класса звуков: Т – консонанты, Р – соноры и А – вокалы. «Правило 1, – пишет автор, – дает нам примеры слогов <ТА, <РА, <А – с эксплозивным консонантом (шумным согласным), сонором или нулевой эксплозией. Всё это разновидности одного и того же слога, который можно обозначить так: ((<Т // <Р // <) & А, где // – знак исключительной дизъюнкции, а & – знак конъюнкции. Можно дать и глобальный символ для слогов данного типа – КА, где К – любой консонант или любой сонор, кроме того, это еще и нулевая эксплозия; А – любой гласный, в том числе и вокалический нуль» [1, с. 87].

«Правило 2. Консонант перед сонором является **эксплозивным**.

Это правило русское или касается тех языков, в которых существует корреляция по звонкости-глухости /Д₊-Т/. <...> «Что же касается русского языка, то в нем правило 2 имеет следующее фонологическое обоснование: консонанты потому примыкают к эксплозивному... сонору, что это обеспечивает им сильную позицию по звонкости-глухости, наиболее важному признаку русской фонологической системы» [1, с. 87].

Примеры слогоотделения: *ма-тро-са*, *о-бла-ка*, *по-пла-ва-ли*, *о-бма-на*, *о-дна*. Правило 2 дает слоготделения: *смо-тр*, *ру-бль*, *во-плъ*, *ка-знь*, порождающих слог типа <ТР<.

В таких слогах, по мнению В. Г. Руделёва, сонорный «не эксплозивен и не является слогоносителем». Слогоносителем в таком слоге, добавим от себя, является вокалический нуль, обозначаемый (наряду с другими вокалами) символом А, следовательно, слог типа <ТР< – частный случай слога <Т<РА и сонорный является-таки эксплозивным. Впрочем, слоговой и неслоговой варианты сонанта в этой позиции находятся в отношении свободного варьирования, различаясь максимум стилистически: ср. *мудр* и *мудёр*, *рубль* и *рубель*, *смысл* и *смысел*, *игл* и *иг(о)л*.

«Правило 3. Консонант или сонорный, находящийся в абсолютном исходе слова, является **имплозивным** [1, с. 88]. Данное правило столь же банально, что и первое. Но выводится оно, т. е. фонологически подтверждается, довольно сложно. <...> Имплозия – это потеря некоторых релевантных качеств, это позиция **нейтрализации**. В современном русском языке (в большинстве его диалектов) положение консонанта в финале слова – действительная имплозивная позиция, поскольку подвергается дефоноло-

гизации самый важный признак системы – признак звонкости. Ср. /кот/ код и кот, /лук/ луг и лук. И так далее. Сонорные, однако, как их ни подгоняют нынешние знатоки фонетики под консонанты, не могут быть ни звонкими, ни глухими. Этот признак для сонорных нерелевантен, он релевантен лишь для консонантов» [1, с. 88–89].

Правило 3 дает слоги: «<ТАТ<, <ТАР<, <РАТ<, <РАР<, <АТ<, <АР< – всё это варианты закрытого слога с глобальным знаком К: <КАК<» [1, с. 89].

«Правило 4. Сонорный перед сонорным является **имплозивным**. Фонологически это правило подтверждается тем, что указанная позиция является слабой по признаку “сонорность-вокальность”, сонорный перед другим сонорным не вокализуется, но имплозию приобретает» [1, с. 90]. Примеры слоγοотделения: *вой-на*⁵, *вол-на*, *тон-на*, *кор-ма*, *тюрь-ма*, *ор-ла*, *ль-на*, *м-ну*, *м-ни*.

Неразличение градаций внутри соноров (плавных и остальных) в некоторых случаях приводит В. Г. Руделёва к неприемлемым для нас членениям: *м-рак* (а не *мрак*=3452), *м-ле-чный* (а не *мле-чный*=345-2351).

«Правило 4 определяет новый тип слога – № 5: Р<. Это значит, что в русском языке сонорные продолжают даже в одиночестве представлять целые слоги, хотя и не являются слогоносителями, как в древнерусском и праславянском языках» [1, с. 90]. По существу, тут В. Г. Руделёвым зафиксирован фонетико-фонологический дуализм слога: сонорные «представляют слоги» фонологически, но «не являются слогоносителями» фонетически.

Примеры слоγοотделения: *гор-н*, *пол-н*, *вой-н*. Что же принуждает ученого к такому членению? «Если же предположить, что оба имплозивных сонора принадлежат одной силлабеме, то придется констатировать новый тип слога (№ 6) <ТАР<Р< – с монотонным имплозивным участком; до сих пор мы не могли отметить подобных особенностей силлабемь» [1, с. 90–91]. Конечно, силлабем «с монотонным имплозивным участком» не бывает, но в том-то и дело, что этот участок не монотонный: *горн* = 2543, *полн* = 2543. В этих случаях сонорность имплозии убывает, и границы фонетического и фонологического слова совпадают. А вот в случае с *войн* группа сонантов имеет восходящую сонорность, поэтому одному фонетическому слогу соответствуют два фонологических со слогообразующим нулевым вокалом: *во-инъ* = 15-13. Глайд /Й/ в этой позиции ведет себя как фрикативный, поэтому структура второго слога (по В. Г. Руделёву) – <Т<РА<.

Учет разных весов сонантов позволяет объяснить, почему следует членить *корм-чий* = 2543-251, а не *кор-м-чий* 254-3-251.

⁵ Для такого слоγοотделения /Й/ должен бы иметь вес 3, однако условия для приписывания ему такого веса (после S/T) отсутствуют.

Интереснее другое: почему в *солн-це* = 1543-25 ЛН при произношении упрощается в Н, тогда как *корм-чий* в *ком-чий не упрощается? Возможно, дело в способности славянского *l к полной вокализации (ср. сербохорв. *сунце* и *вук* ‘волк’ < *вьлкъ). В. Г. Руделёв отвечает на этот вопрос так: «Современное произношение слова *солнце* свидетельствует о большей информационной значимости второго имплозивного сегмента, равного целому слогу⁶; правда, он при выпадении предшествующего имплозивного сегмента перестает быть таковым, занимая место выпавшего имплозивного сегмента, не имевшего слоговости» [1, с. 91]. От себя добавим, что рассматриваемое явление находится на периферии русского языка: кластер *солнц-* – один на весь русский язык (у слова *солнце* и некоторых из его производных), поэтому вряд ли стоит уделять ему чрезмерное внимание в духе М. В. Панова.

Намного интереснее следующее рассуждение В. Г. Руделёва: «Относительно правила 4 возникает очень интересный вопрос. Если признак “звонкость” функционально тождествен признаку “сонорность” и подвергается дефонологизации там же, где и первый признак, то почему положение перед сонорными, эксплозивное для консонантов (правило 2), имплозивно для сонорных? Ответом на этот вопрос может быть то, что перед сонорными не может быть имплозивных гласных – случаи таковых крайне редки⁷ и определены... только положением перед вокалическим слогоносителем... таким образом, у консонантов положение перед сонорными – сильная позиция, а у сонорных она – неопределенная: сильной ее не назовешь, слабой она быть не может, потому что в ней не бывает смещений сонорных с гласными, ведь гласных перед сонорными (имеются в виду эксплозивные гласные!) не бывает. В таком случае выбор более слабой (имплозивной) позиции, но позиции вполне определенной и к тому же не менее слабой, чем еще одна позиция... вполне закономерен. И он объясняет боязнь русского языка допустить стечение сонорных в одном слоге» (выделено нами – А. К.)⁸ [1, с. 91].

«Правило 5. Сонорный перед консонантом является **имплозивным**.

Фонологическое обоснование этого аналогично тому, что было сделано для правила 4» [1, с. 92]. Оно

⁶ Исходный вариант членения (до упрощения) у В. Г. Руделёва [*сол<-н<-<це*].

⁷ Одним из таких редких случаев является, на наш взгляд, *с’у-мрак* = 15-3452, в котором, впрочем, отделяется на правах отдельного слова древняя именная приставка *су-*. Но с другой стороны, само превращение приставки *сьн-* в *су-* возможно лишь внутри слова: на стыке слов (у глаголов и отглагольных имен) результат иной – *сь-*.

⁸ Напомним, что это утверждение В. Г. Руделёва касается имплозивной части слога – финали.

и понятно: звучность сонорных 3-4, а консонантов 1-2. В интервокальном положении слогораздел пройдет по границе между сонорным и консонантом в соответствии с принципом «приоритета восходящей звучности».

Примеры слоγοотделения: *пал-ка, кир-ка, тол-па, кар-то-фель*, а также *ль-да, ль-ди-на, р-жи, л-гу*.

Возражение вызывает только членение *трой-ка*, основанное на недифференцированной трактовке /й/ просто как сонанта, не учитывающей глайдовую специфику, приводящую к позиционно обусловленной сонорности глайда. В позиции перед смычным консонантом глайд «ведет себя» как фрикативный консонант. Поэтому наше слогоделение иное: *тро-йка* = 245-125.

Правило 5 имеет дополнение (назовем его правило 5а): «Считать **имплозивный** консонант после **имплозивного** сонорного принадлежностью того же слога, которому принадлежит сонорный» [1, с. 92].

Это правило имеет у В. Г. Руделёва следующее фонологическое обоснование: в русском языке консонанты (Т) противопоставлены не-консонантам (не-Т) – сонорным и гласным. Маркированными, т. е. наиболее информативными в русском языке являются консонанты. А нейтрализация происходит в немаркированном (менее информативном) члене: [Т → не-Т].

Наше представление на этот предмет несколько иное. Имеется не одна, а две нейтрализуемых оппозиции: «консонанты (щелевые и смычные) (К) : сонанты (S)» и «сонанты (S) : вокалы (V)» маркированными являются крайние члены оппозиции: «K → S ← V». Каждый из сонантов имеет слогаобразующие и неслогаобразующие аллофоны. При этом аллофоны сонантов тоже маркированы. У глайдов {У-В} {И-Й} маркирована неслоговость, у соноров Р, Л, М, Н маркирована слоговость. Неслоговой аллофон глайда [В], будучи по сонорности равен плавным и носовым, и ведет себя соответствующим образом, имея маркированный слоговой аллофон В-слоговой. Поэтому итоговое устройство бемольного глайда довольно сложно: {У ← [В → Ф] ← [В' → Ф']}, ср. {И ← Й}, {Р' → Р}, {Л' → Л}, {М' → М}, {Н' → Н}.

Приводя примеры слогоделения на правило 5а: *скальд, морс, пулт, грунт*, В. Г. Руделёв незаметно переходит от описания подсистемы исконной лексики к описанию подсистемы заимствованных слов. Отмечая зеркальную симметричность слогового типа ТРАРТ (имплозия противопоставлена эксплозии), В. Г. Руделёв делает интересное наблюдение над способностью слогов типа ТРАРТ видоизменять слоги иного типа: так, по аналогии со словами, *грунт, фунт, бунт, кант, бант, рант, фант, франт, грант* заимствованные же *план, кран* в просторечии трансформируются к *плант, крант* ср. уменьшительное

крантик (при ожидаемом *краник*) и жаргонное *кранты* 'конец!' [1, с. 93]. Возможность такого явления объясняется, на наш взгляд, иноязычностью самой модели слога и соответствующих ей слов и стремлением говорящих эту иноязычность подчеркнуть. Нельзя сбрасывать со счетов и экспрессивность слогов этого типа.

«Правило 6. Консонант перед консонантом является **нейтральным** в смысле эксплозии-имплозии, т. е. не эксплозивным и не имплозивным, или одинаково – эксплозивным и имплозивным».

Это правило основано на неразличении внутри консонантов смычных и щелевых. А ведь для эксплозии-имплозии (в понимании Ф. де Соссюра⁹) их различие принципиально: щелевые – р а з м ы к а т е л и рта по природе (способу образования), тогда как смычные так и называются потому, что являются с м ы к а т е л я м и рта.

Фонологическая методология, которой столь эффективно и убедительно пользуется В. Г. Руделёв, позволяет доказать, что в русском языке существует оппозиция С:Т⁺ (щелевые:смычные) и смычные являются маркированным членом этой оппозиции. Как справедливо пишет В. Г. Руделёв, «нейтрализация – хороший показатель не только оппозиции (можно считать, что нейтрализация – единственный показатель оппозиции¹⁰), но и ее строения. <...> ...архифонема... воплощается в собственном варианте немаркированной фонемы, который при нейтрализации становится общим для обеих фонем оппозиции» [3, с. 35].

Составляют ли смычные и щелевые оппозицию, а если да, то как доказать ее нейтрализацию? На первый взгляд может показаться, что нейтрализация смычных и щелевых осуществляется в аффрикатах, содержащих те и другие: Ц = ТС, Ч = ТЩ. Но это не нейтрализация, а видимость ее – псевдонейтрализация: ср. приведенное выше определение. Можно ли считать аффрикату архифонемой? Вряд ли. Аффриката это – нормализованная аномалия, узаконенное беззаконие. В каком немаркированном варианте воплощается аффриката? Ни в каком. Следовательно, аффрикаты не могут быть нейтрализацией оппозиции «смычные:щелевые». Как говорится, «Федот, да не тот».

Рассмотрим пару *веду:везу* и инфинитивы *вести:вести* /в'и'с'т'и/. Оппозиция Т:С (смычный:ще-

⁹ «Смыкание называют имплозией, а размыкание – эксплозией... В том же смысле можно говорить о звуках *затворных* и звуках *растворных*» [18, с. 88]. «Анализируя слог, как он дан в речевой цепочке, мы дошли до неразложимой единицы, до звука *растворного* и звука *затворного*» (Курсив наш. – А. К.) [Там же, с. 94]. Отметим, что Соссюр различал степени раствора рта, весьма близкие к используемым в волновой теории весам звучности.

¹⁰ В. Г. Руделёв имеет в виду самую важную для системы оппозицию – привативную.

левой) нейтрализуется в щелевом /С/. Форма оппозиции: Д→Т→С←З. Следовательно, смычный оппозиит маркирован, а щелевой – нет. Это показания языка, которые никакими приборами не опровергнуть¹¹. Позиция нейтрализации для оппозиции Т:С – это позиция перед смычным (Т). Маркированные же члены оппозиции в системе всегда «стоят» дороже, чем немаркированные. Еще пример, оппозиция Т:С *паду:пасу* нейтрализуется в инфинитиве: *пасть*: «←В пастухи. Некому, говорит, *скотину пасть*. У него много: гуляк¹², овечки, козы» [Борис Екимов. Пиночет (1999)] (НКРЯ). *Е[д]а→мясое[т]→е[с]ть←еси, суть*.

Этот процесс не ограничивается зубными смычными, а распространяется на губные и заднеязычные: *гре[б]у→грё[п]и→гре[с]ти, скре[б]у→скрё[п]и→скре[с]ти*. Форма оппозиции: Б→П→С←(З).

В словоформе *скрестись* наблюдаем нейтрализацию Б→С *скреби:скрести*. Ср. *Скрестись их интелесы, неизвестно, чья возьмёт*.

Ср. еще примеры нейтрализации оппозиции «смычный : щелевой» у заднеязычных шумных: *мяжок → мягий /м' ахк' ий/, лёжок → лёгкий /л' охк' ий/*. Эта оппозиция имеет вид: Г→К→Х←(γ).

Итак, кроме нейтрализации по звонкости-глухости (Г→К), в русском языке имеется нейтрализация по способу образования (Т→С). Равно нелогично было бы как присваивать больший вес немаркированному члену оппозиции (щелевым), так и присваивать равные веса маркированному и немаркированному члену оппозиции (смычным и щелевым).

Не различая внутри кластера типа КК С (щелевых) и Т (смычных), В. Г. Руделёв предлагает наряду с приемлемыми для нас слога делениями: *вол-шб'а, 'от-чим* и неприемлемые: *о-тц'а* = 5-225 (плато звучности), *во-кз'ал* = 15-2154 (две вершины: /г/ и /а/), *н'ош-ка* = 351-25 (нарушен приоритет восходящей звучности). Наше слога деление: *от-ца, вок-зал, но-шка*.

Выход из ситуации неопределенности В. Г. Руделёв находит в предложении Л. В. Щербы относить «спорный» согласный к ударному слогу: *вой-ск'а*, но *в'ойс-ко*. Необоснованность этого решения весьма убедительно раскрыл М. В. Панов [21, с. 33–34].

В итоге В. Г. Руделёв приходит к выводу прямо противоположному мнению С. В. Кодзасова: «**в русском языке современного строя**, как и в его диалек-

тах, **действуют строгие правила распределения фонем по слога м**» (выделено нами. – А. К.) [1, с. 95].

Отметим высокую степень согласия фонологической теории слога В. Г. Руделёва и волновой теории слога. Немногочисленные расхождения связаны преимущественно с недостаточной детальностью троичной классификации фонем. Из 6 правил слога-отделения В. Г. Руделёва в противоречие с волновой теорией слога вступает только последнее.

В приложении к статье В. Г. Руделёв дает «Классификационную схему русских силлабем»¹³ (таблица), построенную на пяти различительных признаках: РП-1 «отсутствие консонантной имплозии», РП-2 «отсутствие консонантной эксплозии», РП-3 «отсутствие сонорной эксплозии», РП-4 «отсутствие вокалического слога носителя», РП-5 «отсутствие сонорной имплозии» и трех классах фонем: Т – консонанты, Р – соноры и А – вокалы, включая вокалический нуль. Классификация содержит 14 типов слога м: Р, РА, РАР, ТА, ТАР, ТР, ТРА, ТРАР, РАТ, РАРТ, ТАТ, ТАРТ, ТРАТ, ТРАРТ [1, с. 98].

Т а б л и ц а

Классификационная схема русских силлабем по В. Г. Руделёву

№		РП-1	РП-2	РП-3	РП-4	РП-5
1	Р	+	+	–	+	–
2	РА	+	+	–	–	+
3	РАР	+	+	–	–	–
4	ТА	+	–	+	–	+
5	ТАР	+	–	+	–	–
6	ТР	+	–	–	+	–
7	ТРА	+	–	–	–	+
8	ТРАР	+	–	–	–	–
9	РАТ	–	+	–	–	+
10	РАРТ	–	+	–	–	–
11	ТАТ	–	–	+	–	+
12	ТАРТ	–	–	+	–	–
13	ТРАТ	–	–	–	–	+
14	ТРАРТ	–	–	–	–	–

Некоторое недоумение вызывает отсутствие в этой классификации неприкрытых слога м: А (*а, о, у, и, э*), АТ (*ось, ус, уж, их*), АР (*он, ор, ил, им, ум*) и, возможно, АРТ (*милли-ард, орд, Инд, инк, ант, альт, унт, эльф, эрг*).

Резервы совершенствования классификации русских силлабем видятся в увеличении типов фонем

¹³ СИЛЛАБЕМА – англ. *syllabeme*. Слог как фонологическая единица [22, с. 403].

¹¹ Тем самым снимаются возражения Г. М. Богомазова и других представителей ЛФШ о большей звучности щелевых по сравнению со смычными «по своим акустическим признакам» [19, с. 54]: акустика имеет дело с фонетикой и фонетическим слога м, а не с фонологическим. Лингвистам, полагающим, что фонему можно произнести, и невозможно считать иначе, невозможно абстрагироваться от акустики.

¹² **Гуляк**: 3. Двухгодовалый жеребенок. У меня жеребец-то на лето гуляком пойдет. Кадр. **Волог.**, 1855. **Волог.** [20, вып. 7:222].

до 5: S (фрикативные, *в-й* перед эксплозивными консонантами), Т (эксплозивные и аффрикаты), N (носовые неслоговые сонанты и *в-й* после консонантов), R (плавные неслоговые сонанты), А (вокалы и слоговые сонанты) – и в увеличении числа позиций эксплозии (инициали) до 4. Это позволит интерпретировать слоги типа *страх, строй, стре-ла, здра-ви-е* и даже *о-су-ще-ствлять*.

Сам факт наличия этой классификации типов русских слогов – серьезный теоретический результат, к сожалению, до сих пор не ставший обязательной составляющей вузовских учебников русского языка.

Осмысляя фонологическую теорию слога В. Г. Руделёва, приходишь к выводу, что она состоит из двух частей: первая идет от Ф. де Соссюра и основана на делении звуков на имплозивные (смыкатели) и эксплозивные (размыкатели); вторая является развитием идей Н. С. Трубецкого в направлении информационно-синергетическом.

Вторая часть теории обеспечивает информационно-семиотическое обоснование порядка следования звуков в открытом слоге.

Максимально смыслоразличительная позиция для всех неслоговых звуков – перед слоговым: вокалом или слоговым вариантом сонанта.

Итак, позиция перед вокалом занята: СГ.

Какой из неслоговых звуков обеспечит максимальное смыслоразличение? Сонант: перед ним консонанты различаются по глухости-звонкости.

А возможно ли сочетание сонантов? Возможно, потому что плавные – размыкатели, а носовые – смыкатели. Сочетание же плавных или же носовых друг с другом в открытом слоге невозможно: эта артикуляция неудобна и носители интуитивно стремятся ее избегать¹⁴. Удобно чередование смыканий и размыканий, имплозии и эксплозии.

А возможно ли сочетание консонантов? Да, потому что они тоже делятся на смыкатели (взрывные консонанты и аффрикаты) и размыкатели (фрикативные консонанты). Однако эта позиция наименее информативна: в ней происходит нейтрализация оппозиции по глухости-звонкости и сохраняется лишь противопоставленность по способу и месту образования; ср. *ра|злить*, но *ра|ство|рить* (оглушение звонкого З перед глухим Т), *сре|затъ*, но *||зб'ит'* (озвончение глухого С перед звонким Б)¹⁵.

¹⁴ Как же в таком случае объяснить форму *жсрл*, в которой соседствуют два плавных сонанта? Дело в том, что один из них – [Р] – является слоговым: [О] – не самостоятельная фонема, а вокалический пазвук, свидетельствующий о слоговости фонемы {Р}. Следовательно, фонематическая структура этого слога не 1544, а 154. Подробнее о русских слоговых сонантах см. в [23].

¹⁵ Выше мы говорили об открытом слоге, чтобы не пользоваться термином *инициаль* (у открытого слога нет финали). В приводимых же примерах слоги закрытые, поэтому уточняем, что речь все время идет о строении *инициали* слога.

Проанализируем последовательность STNRA с точки зрения эксплозии-имплозии, используя условные обозначения Р (размыкатель) и С (смыкатель): РС-СР-Р. (Впрочем, в третьей позиции смыкатели только Н и М, а В и Й – размыкатели.) Отметим, что соседство смыкателей или размыкателей возможно только на границе между тремя качественно различными множествами: консонантами и сонантами, неслогообразующими сонантами и слогообразующими вокалами.

Это позволяет говорить об иерархии и весах признаков: оппозиция неслоговые консонанты || слоговые вокалы, доказываемая существованием нейтрализации этой оппозиции (сонантами), важнее (старше, информативнее), чем оппозиция смыкатели || размыкатели, доказываемая существованием **аффрикат** (Ц = ТС, Ч = ТШ') и **деффрикат**¹⁶: ЖД (*вожу*, но *вождение, награжу-награждение, огорожу – ограждение* и т. д.). Как видим, младшая оппозиция действует только внутри старшей:

Консонант(Р1-С2)-Сонант(С3-Р4)-Вокал(Р5).

В финали слога действует обратная последовательность:

Вокал(Р5)-Сонант(Р4/С3)-Консонант(С2/Р1).

Интегральная модель русского слога будет выглядеть следующим образом:

Консонант(Р1-С2)-Сонант(С3-Р4)-Вокал(Р5)-Сонант(Р4/С3)-Консонант(С2/Р1).

Возможность сочетания ВЛ' в слоге *осуще-СТ-ВЛЁН* позволяет поставить еще один вопрос: С-размыкатель, Т-смыкатель, (В-размыкатель, Л-размыкатель) – в кластере сонантов сочетаются два размыкателя. Не является ли это нарушением природного принципа, в соответствии с которым подобное сочетается с не-подобным (иным)?

В и Л противопоставлены по активному органу как Губной и Язычный. Следовательно, и тут природный принцип работает: губной сочетается с не-губным, а язычный – с не-язычным.

Если же мы примем во внимание соседство двух смычных язычных в слоге *кто*, то обнаружим низший уровень иерархии (по пассивному органу): место образования: К – нёбный (заднеязычный), Т – денальный (переднеязычный).

Таким образом, вырисовывается следующая иерархия: (Слоговой-Не-слововой) > (Смыкатель-Размыкатель) > (Губной-Язычный) > (Палатальный-Не-палатальный=зубной).

Принадлежность диезности слогу

С работ И. А. Бодуэна де Куртенэ [26] принято считать, что важнейшей и определяющей весь фонетико-фонологический строй русского языка, является

¹⁶ Обоснование термина *деффриката* предложено в работах [24; 25].

корреляция по мягкости-твердости (в терминологии Р. О. Якобсона – по дизности-недизности).

Изучение литературы по фонетике и фонологии русского языка приводит к выводу, что – действительно – больше всего в ней обсуждаются признаки мягкости-твердости, обнаруживаемые то у согласных, то у гласных, рассматриваемые в их динамике то от гласных к согласным, то наоборот.

Единственное известное нам сомнение в правомочности отнесения этого признака к отдельному звуку высказано В. Г. Руделёвым (иногда эта мысль приписывается И. А. Бодуэну де Куртенэ, хотя у последнего ее – по крайней мере в явном виде – обнаружить не удалось): «...мы должны помнить о принадлежности дизности всему слогу» [27]; «... в современном русском литературном диалекте... признак дизности принадлежит... не согласным, а слогу в целом» [28].

Это утверждение, видимо, нуждается в уточнении: возьмем слово *мел*. Принадлежит дизность финальному |Л|? Нет. Распространяется дизность на весь слог? Нет, только на медиаль с инициалью.

Возьмем другой пример: *хрен*. Распространяется дизность на инициальный |Х|? Нет, она распространяется только на ближайший к вокалу |Е| звук |Р'|, т. е. на часть инициали, примыкающую к медиали – на |Р'Е|.

Такие сочетания В. К. Журавлёв (для праславянского состояния) предложил называть *группофонемами* [29].

Впрочем, еще сохранились случаи, в которых дизность выходит за пределы группофонемы: *свет* |с'в'ет|, *здесьний* |з'д'е=шн'ий|, *стены* |с'т'е-ны|, *двести* |д'в'е-с'т'и|, звезде |з'в'е-з'д'е|, *Тверь* |т'в'ер'|, ветви |в'е-т'в'и|. Однако для сочетаний с консонантом перед В' даже орфоэпический словарь [30] допускает уже вариант с твердым консонантом: СВ', ЗВ', ТВ', ДВ'.

Таким образом, уточнение состоит в том, что дизность принадлежит только открытому слогу и имеет четко выраженную тенденцию принадлежать уже не всему открытому слогу, а только его ядру – группофонеме СГ.

Но именно благодаря своей неточности формулировка В. Г. Руделёва обладает, как это ни парадоксально, высоким эвристическим потенциалом.

Всем хорошо известно явление регрессивной контактной ассимиляции согласных по глухости-звонкости (*и-збить*, но *и-спить*), но нам не известно, чтобы из этого кто-то делал (в общем-то, очевидный) вывод о принадлежности глухости-звонкости всему слогу (пусть только открытому, пусть только инициали слога).

Между тем это такая же реальная очевидность, как и принадлежность дизности группофонеме.

Следовательно, инициаль не только скреплена с медиалью дизностью, но и внутри себя – глухостью-звонкостью. Финаль же не демонстрирует очевидной связи с инициалью ни по дизности, ни по звонкости-глухости.

А если инициаль (в отличие от финали) так сильно скреплена с медиалью слога, то так ли уж неправа была Л. В. Бодарко, утверждавшая, что все слоги в русском языке – открытые?

Но этим вопросом эвристический потенциал идеи о принадлежности дизности слогу не исчерпывается.

Возникает вопрос, а как трактовать последовательности типа С'А, С'О. С'У: ТЯга, гРЯзь, НЁс, ЛЮбо. Если вслед за традицией видеть здесь сочетание дизных согласных с недизной (А) и даже бемольными гласными (О-У), то утверждение В. Г. Руделёва опровергается языковым материалом и не имеет смысла. Если же за утверждением В. Г. Руделёва стоит лингвистическая реальность, то из этого с неизбежностью следует, что А и А-смягчающее, О и О-смягчающее, У и У-смягчающее представляют разные фонемы, а следовательно, действительно, «*принципиально изменяется способ описания фонем русского языка*» [31, с. 166]. Изменение способа описания состоит в понимании фонемы не как звука (пусть даже и выполняющего смысловозначительную функцию), а как «образа жизни» – позиционно обусловленного «поведения» этой единицы языка.

Следствием этого подхода будет установление того факта, что А-смягчающий чередуется с носовым сонантом (одним или с предшествующим ему дизным И): *сМ|А|ть-соМНУ-сМИНать*. В данном случае А-смягчающий является бифоном: звуком, представляющим две фонемы: гласную {Б} и сонант {Н}. В парах *пожАть-пожИНать* и *пожАть-пожИМать* тоже представлен А-смягчающий: не его вина, что Ж потом отвердел; свою работу А-смягчающий выполнил – превратил Г и Ж' по первой палатализации. В одном случае 'А представляет {Б} и {Н}, а в другом {Б} и {М}.

О-смягчающий чередуется с Е: *подНЁс-подНесу* и маркирует глагол. Ср. О-не-смягчающий, маркирующий имя: *подНОс*.

У-смягчающий находим в слове *кЛЮнуть-кЛЕ-Вать*. Здесь У-смягчающий также является бифоном, представляющим фонемы {Е} и {У} (между гласными глайд {У} реализуется в неслоговом варианте В).

Как видим, идея В. Г. Руделёва позволяет увидеть в смягчающих |'А-'О-'У| современного русского языка новые фонематические реальности – *бифоны* (звуки, представляющие две фонемы).

Подведем итоги. Научный подход В. Г. Руделёва позволяет не только корректно интерпретировать наблюдаемые явления, но и обнаруживать явления

ненаблюдаемые, проявляющие себя косвенно, опосредованно.

Подход В. Г. Руделёва созвучен научным взглядам академика Ю. С. Степанова: «Ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диакрония). Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции ее прошлого состояния» [32, с. 303].

Метод анализа лингвистических явлений В. Г. Руделёва обладает не только всеми признаками научности: логичностью, последовательностью и воспроизводимостью, но также – большой объяснительной силой, позволяющей сквозь современное состояние языка прозревать его прошлое, и высоким эвристическим потенциалом, дарящим новые открытия и обещающим их в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонологическое обоснование слогораздела в русском языке // *Руделёв В. Г. Собрание сочинений* : в 6 томах / В. Г. Руделёв. – Т. 6. Друг мой – язык. Избранные произведения по общему и русскому языкознанию. Ч. 1. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – С. 84–98. (Переиздание. Первая публикация – 1987 г.).
2. *Руделёв В. Г. Вокалический нуль и его место в системе вокальных фонем (на материале русского языка)* / В. Г. Руделёв // *Материалы тез. докл. XV итог. науч. конф.* – Оренбург : Оренб. пед. ин-т, 1967. – С. 86–88.
3. *Руделёв В. Г. Фонология русского слова. Спецкурс по русскому языку* / В. Г. Руделёв. – Тамбов : Тамб. гос. пед. ин-т, 1975. – 128 с.
4. *Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии* : монография / В. Г. Чурганова. – М. : Наука, 1973. – 240 с.
5. *Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика* : учебник для ун-тов / М. В. Панов. – М. : Высш. школа, 1979. – 256 с.
6. *Кретов А. А. Фонема* : аксиоматика и выводы / А. А. Кретов // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2001. – № 2. – С. 50–63.
7. *Кузнецов П. С. К вопросу о фонематическом составе французского языка* / П. С. Кузнецов // *Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия* / А. А. Реформатский. – М., 1970. – С. 163–203.
8. *Зализняк А. А. Русское именное словоизменение* / А. А. Зализняк // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – I–VIII, 752 с. – (Studia philologica).
9. *Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования* : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. К. Поливанова. – М., 1976. – 23 с.
10. *Булыгина Т. В. Проблемы теории и практики морфонологического описания* / Т. В. Булыгина // *Изв. АН СССР. Сер.: ЛиЯ.* – 1975. – № 4. – С. 328–340.
11. *Иткин И. Б. Русская морфонология* / И. Б. Иткин. – М. : Гнозис, 2007. – 272 с.
12. *Halle M. Note on cyclically ordered rules in the Russian conjugation* / M. Halle // *Quarterly Progress Report.* – 1961. – № 63.
13. *Lightner Th. M. Problems in the Theory of Phonology. V. 1. Russian Phonology and Turkish Phonology* / Th. M. Lightner. – Edmonton Champaign : Linguistic Research, Inc., 1972. – I–XVII, 459 p.
14. *Ворт Д. Очерки по русской филологии* / Д. Ворт ; пер. с англ. К. К. Богатырева. – М. : Индрик, 2006. – 431 с.
15. *Халле М. Фонологическая система русского языка. Лингвистико-акустическое исследование* / М. Халле ; пер. с англ. Д. М. Сегал // *Новое в лингвистике.* – Вып. II. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 299–339.
16. *Хабургаев Г. А. Старославянский язык* : учеб. пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Г. А. Хабургаев. – М. : Просвещение, 1974. – 453 с. с карт.
17. *Кретов А. А. Асимметрия в лингвистике* / А. А. Кретов // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2010. – № 2. – С. 5–11.
18. *Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию* / Ф. де Соссюр ; пер. с фр., под ред. А. А. Холодовича ; ред. М. А. Оборина ; предисл. Н. С. Чемоданова. – М. : Прогресс, 1977. – 696, [2] с. – (Языковеды мира).
19. *Богомазов Г. М. Современный литературный язык* : фонетика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г. М. Богомазов. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
20. *Словарь русских народных говоров.* – Вып. 25 (*Отчурить–Первачок*). – Л. : Наука, 1990. – 352 с.
21. *Панов М. В. О слогоделении в русском языке* / М. В. Панов // *Проблемы фонетики II* : сб. ст. / отв. ред. Л. Л. Касаткин. – М., 1995. – С. 29–42.
22. *Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов* / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
23. *Кретов А. А. Дифтонги в русском языке* / А. А. Кретов // *Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий* : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. 24–25 октября 2015 г. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – С. 35–41.
24. *Кретов А. А. Функциональная асимметрия в русской фонетике* / А. А. Кретов // *Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий* : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А. Д. Черенкова ; редкол.: С. И. Доброва [и др.]. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2013. – С. 48–54.
25. *Кретов А. А. Асимметричные единицы русской фонетики* / А. А. Кретов // *Русский язык : исторические*

судьбы и современность : Междунар. конгресс исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта : труды и материалы / сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 539–540.

26. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 264.

27. Руделёв В. Г. Фонологические модели русского языка (Вокализм) / В. Г. Руделёв // Фонология : сб. лингв. ст. / под ред. В. Г. Руделёва. – Тамбов, 1982. – С. 39.

28. Руделёв В. Г. Мифы о редуцированных / В. Г. Руделёв // Русский язык донационального периода : межвуз. сб. / отв. ред. В. В. Колесов, О. А. Черепанова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. – С. 10.

29. Журавлёв В. К. Теория группофонем : развитие группового сингармонизма в праславянском языке / В. К. Журавлёв ; предисл. Ю. Я. Бурмистровича. – М. : ЛКИ, 2007. – 128 с.

30. Орфоэпический словарь русского языка : Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова ; под ред. Р. И. Аванесова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985. – 704 с.

31. Руделёв В. Г. Русские консонанты (Предварительные замечания) / В. Г. Руделёв, С. В. Пискунова // Фонология : сб. лингв. ст. / под ред. В. Г. Руделёва. – Тамбов, 1982. – С. 166.

32. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – Изд. 4-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

REFERENCES

1. Rudelev V. G. Fonologičeskoe obosnovanie slogo-razdela v russkom jazyke [Phonological justification of syllabification in the Russian language]. In V. G. Rudelev. *Sobranie sochnenij v 6 tomakh. Tom 6. Drug moj – jazyk. Izbrannye proizvedenija po obščemu i russkomu jazykoznaniju* [V. G. Rudelev. Collected works in 6 volumes. Vol. 6. My Friend, Language. Selected works on language theory and Russian language studies]. Tambov: TGU, 2002. P. 84–98.

2. Rudelev V. G. Vokalicheskiĭ nul' i ego mesto v sisteme vokalnykh fonem (na material russkogo jazyka) [Vocal zero and its place in the system of Russian vocal phonemes]. *Materialy XV itogovoj nauchnoj konferentsii*. Orenburg: Orenburgskij ped. institut, 1967. P. 86–88.

3. Rudelev V. G. *Fonologija russkogo slova. Spetskurs po russkomu jazyku* [Phonology of the Russian word. Special Course on the Russian Language]. Tambov: TGU, 1975. 128 p.

4. Churganova V. G. *Očerki russkoj morfonologii* [The essay on Russian morphonology]. Moscow: Nauka, 1973. 240 p.

5. Panov M. V. *Sovremennij russkij jazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. Moscow: Vysshaja škola, 1979. 256 p.

6. Kretov A. A. Fonema: aksiomatika i vyvody [The phoneme: axiomatics and conclusions]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2001. No. 2. P. 50–63.

7. Kuznetsov P. S. K voprosy o fonematičeskom sostave frantsuzskogo jazyka [On the issue of phonematic inventory of the French language]. In Reformatskij A. A. *Is istorii otečestvennoj fonologii. Očerki. Khrestomatija* [On the history of phonology in Russia. An Essay. A Reader]. Moscow, 1970. P. 163–203.

8. Zaliznyak A. A. *“Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obščemu jazykoznaniju* [“Russian nominal inflexion” and Selected works on the modern Russian language and theory of language]. Moscow: Jazyki slavyanskoj kultury, 2002. 752 p.

9. Polivanova A. K. *Morfonologija russkogo substantivnogo osnovoobrazovanija* [Morphonology of the Russian nominal stem derivation]. Dissertation abstract... can. philol. sciences. Moscow, 1976. 23 p.

10. Bulygina T. V. Problemy teorii i praktiki morfonologičeskogo opisanija [The issues in the theory and practice of morphonological description]. *Izvestija AN SSSR. Seria literatury i jazyka*. 1975. No. 4. P. 328–340.

11. Itkin I. B. *Russkaja morfonologija* [Russian morphonology]. Moscow: Gnosis, 2007. 272 p.

12. Halle M. Note on cyclically orderd rules in the Russian conjugation. *Quarterly Progress Report*. 1961. № 63.

13. Lightner Th. M. *Problems in the Theory of Phonology*. V. 1. Russian Phonology and Turkish Phonology. Edmonton Champaign: Linguistic Research, Inc., 1972. 459 p.

14. Wort D. *Očerki po russkoj filologii* [Essays on Russian Philology]. Moscow: Indrik, 2006. 431 p.

15. Halle M. Fonologičeskaja sistema russkogo jazyka. Lingvistiko-akustičeskoe issledovanie [The phonological system of Russian]. *Novoe v lingvistike* [New Trends in Linguistics]. Vol. II. Moscow: Izd-vo inostrannoĭ literatury, 1962. P. 299–339.

16. Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskij jazyk* [The Old Slavic Language]. Moscow: Prosveshčenie, 1974. 453 p.

17. Kretov A. A. Asimmetrija v lingvistike [Asymmetry in Linguistics]. *Proceedings of Voronezh State University. Series : Linguistics and Intercultural communication*. 2010. № 2. P. 5–11.

18. Saussure F. *Trudy po jazykoznaniju* [Works on Linguistics]. Moscow: Progerss, 1977. 696 p.

19. Bogomazov G. M. *Sovremennij literaturnyj jazyk: Fonetika* [Modern standard language: Phonetics]. Moscow: VLADOS, 2001. 352 p.

20. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The dictionary of Russian folk dialects]. Issue 25. Leningrad: Nauka, 1990. 352 p.

21. Panov M. V. O sl ogodelenii v russkom jazyke [On syllabification in the Russian language]. In *Problemy fonetiki* [The problems of phonetics]. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, 1995. P. 29–42.

22. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. Entsiklopedia, 1966. 608 p.
23. Kretov A. A. Diftongi v rusском jazyke [Diphthongs in the Russian language]. *Problemy izuchenija zhivigi russkogo slova na rubezhe tysyacheletij: Materialy VIII vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferentsii*. Voronezh: VSPU, 2015. P. 35–41.
24. Kretov A. A. Funkcionalnaja asimmetrija v rusской fonetike [Functional asymmetry in the Russian phonetics]. *Problemy izuchenija zhivigi russkogo slova na rubezhe tysyacheletij: Materialy VII vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferentsii*. Voronezh: VSPU, 2013. P. 48–54.
25. Kretov A. A. Asimmetričnyje edinitsy rusской fonemiki [Asymmetric units of the Russian phonemics]. *Russkij jazyk: Istoricheskie sud'by I sovremennost'. Meždunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka*. Moscow: MGU, 2014. P. 539–540.
26. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye Trudy po obščemu jazykoznaniju* [Selected works on the theory of language]. Vol. 1–2. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963.
27. Rudelev V. G. Fonologičeskie modeli rusского jazyka (Vokalizm) [Phonological models of Russian. Vocalism]. *Fonologija* [Phonology]. Tambov, 1982.
28. Rudelev V. G. Mify o redutsirovannykh [The myths about the reduced vowels]. *Russkij jazyk donatsionalnogo perioda* [The Russian language in the pre-national period]. Saint-Petersburg: SPbGU, 1993.
29. Zhuravlev V. K. *Teorija gruppofonem: razvitie gruppovogo singlarizma v praslavyanskom jazyke* [The theory of groups of phonemes: the development of group vocalic harmony in the Proto-Slavic language]. Moscow: LKI, 2007. 128 p.
30. *Orfoepičeskij slovar' russkogo jazyka: proiznošenie, udarenie, grammatičeskie formy*. [Pronunciation dictionary of Russian: pronunciation, stress, grammatic forms]. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow: Russkij jazyk, 1985. 704 p.
31. Rudelev V. G., Piskunova S. V. Russkie konsonanty (predvaritelnye zamečanija) [Russian consonants: preliminary remarks]. *Fonologija* [Phonology]. Tambov, 1982.
32. Stepanov Y. S. *Metody I printsipy sovremennoj lingvistiky* [Methods and Principles of Modern Linguistics]. Moscow: Editorial URSS, 2003. 312 p.

Воронежский государственный университет
Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: kretov@rgph.vsu.ru

Voronezh State University
Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: kretov@rgph.vsu.ru